

Глава 18: Танец, покоривший город.

Мази от ран в этом мире оказались на удивление эффективными. Когда их наносили на следы от плети, прохладное прикосновение снимало жгучую боль, оставляя лишь лёгкое покалывание.

Е Цин лежала на животе, не двигаясь, позволяя Де-эр аккуратно смазывать раны мягким гусиным пером. Лёгкие касания вызывали щекочущее ощущение.

– Цин, как ты? – спросила Юй-эр, заметив, что та молчит.

– Терпимо, – пробормотала Е Цин.

– Чтобы в следующий раз избежать наказания, тебе стоит стараться ещё больше, – сказала Де-эр, продолжая осторожно наносить мазь.

– Угу... – ответила Е Цин, уткнувшись лицом в подушку. Голос её звучал приглушённо.

Когда обработка ран была закончена, надеть штаны сразу оказалось невозможно — мазь не должна была стереться. Пришлось остаться лёжа, ожидая, пока средство полностью впитается.

Пока они ждали, в комнате не смолкал весёлый щебет танцовщиц. Е Цин просто слушала их разговоры, и это даже немного развлекало её.

Вскоре пришло время выступления. Девушки позвали её, и она, как обычно, пошла вместе с ними. Танцовщицы вышли на сцену, а она осталась наблюдать за ними со стороны.

На следующий день боль почти прошла — раны были не такими уж серьёзными. Это не мешало ей двигаться, и Е Цин снова вышла на сцену. На этот раз она постаралась учесть свои ошибки. Хотя её движения ещё выглядели немного скованными, по крайней мере, теперь она не сбивала общий ритм и не выделялась так сильно, как вчера.

Но даже так избежать наказания не удалось — в конце выступления она получила десять ударов плетью. На этот раз она выдержала их молча, сжав зубы и не издав ни звука.

К счастью, новые удары оказались менее болезненными, а она уже твёрдо решила не давать маме Лю нового повода для наказания. В тот же день, как только у неё появилось немного

свободного времени, Юй-эр и Де-эр сами предложили помочь ей в тренировках.

Е Цин обладала хорошей физической подготовкой, гибкость её тела уже была на уровне, но её движения оставались неуклюжими лишь потому, что у неё не было опыта. Она могла сколько угодно наблюдать за другими, но, пока не начнёт практиковаться сама, ничего не изменится.

И так, благодаря наставлениям Юй-эр, Де-эр и остальных танцовщиц, её техника стремительно улучшалась. Уже спустя день она поняла ключевые принципы танца. И когда снова вышла на сцену, её движения, наконец, стали естественными, а шаги — уверенными. Теперь она могла держать ритм и двигаться в такт с остальными.

Наблюдая за происходящим со стороны, мама Лю на мгновение прищурилась, а в её взгляде мелькнула тень разочарования. Ведь чем лучше выступала Е Цин, тем меньше у неё оставалось поводов для наказаний. А это, разумеется, её не радовало.

Так прошёл ещё месяц. Е Цин продолжала тренировки, пока, наконец, не достигла уровня, достаточного для официального выступления. И вот, в этот вечер завсегдатаи павильона Красный Нефрит с удивлением обнаружили, что на сцене, в самом центре зала, вместо привычных семи танцовщиц теперь танцуют восемь. Среди них оказалась и та самая девушка, которая прежде лишь стояла в стороне, наблюдая за танцами.

Новички, естественно, не знали, кто она такая. Но среди гостей было немало завсегдатаев, и кое-кто даже помнил её с того самого дня, когда она попала сюда из-за "бесплатного обеда". Теперь же, наслаждаясь танцем, они принялись обсуждать её между собой.

– Гляньте-ка, да это ж та самая девчонка, которая тогда устроила пир за чужой счёт! – вдруг громко выкрикнул один из гостей. – Что ж, в конце концов, пришлось продать себя, чтобы вернуть долг?

– Смотрите-смотрите, разве её фигурка не стала ещё лучше?

– А кожа-то какая белая стала! Видно, управляющий Чжан неплохо её откармливал!

– Ха-ха! Теперь настоящая красавица!

– Да хватит вам смеяться! – вмешался кто-то. – Вы только подумайте, как долго она старалась! Не стыдно ли вам вместо того, чтобы наградить её, только и делать, что насмехаться? Где ваша жалость к прекрасному?

– Вот именно! Раз такие храбрые, так возьмите да дайте на чай молодой леди!

– А кстати, как её зовут-то?

– Кажется, Цин... Цин, верно?

– Ну что ж, тогда я пожалуй десяток лянов серебра госпоже Цин в честь её первого выхода на сцену!

– Ха-ха-ха! Брат Лин, да вы сегодня щедры! Я, конечно, не могу с вами тягаться, но пожалуй пять лянов!

– Так торопишься? Не иначе как хочешь заполучить благосклонность госпожи Цин? Ну, раз так, поставлю шесть лянов!

Вопреки ожиданиям, первый выход Е Цин на сцену оказался весьма успешным. Завсегдатаи павильона Красный Нефрит, знавшие её историю, весело подшучивали и наперебой бросали серебро, а службе, который собирал подаяния, и вовсе не было времени перевести дух.

Разумеется, такой щедрый поток наград не мог не радовать Е Цин, но внешне она оставалась холодна и непроницаема. Ни малейшей эмоции не дрогнуло на её лице.

Управляющий Чжан, наблюдавший за происходящим издали, удовлетворённо кивнул. Затем, подозвав одного из младших управляющих, что-то негромко ему сказал. Тот молча кивнул и ушёл исполнять приказ.

Тем временем музыка стихла, и танцовщицы покинули сцену.

По расписанию у них было около пяти минут отдыха, после чего предстоял новый выход. Пока девушки перевели дыхание, развлечением для гостей стали инструментальные мелодии в исполнении оркестра.

Так продолжалось до самого полудня, когда, наконец, наступал полноценный перерыв.

Тем, кто никогда не выступал на сцене, могло показаться, что танцевать несколько выходов подряд не составляет труда. Но только танцовщицы знали, насколько это изматывает. После долгих часов танца ноги наливались тяжестью, а дыхание сбивалось — уставшие девушки, покинув сцену, едва сдерживали тихие, но глубокие вздохи.

Прошло ровно пять минут отдыха.

Младший управляющий, исполняя полученный приказ, с улыбкой поднялся на сцену и громко объявил:

– Сегодня госпожа Цин впервые выступила перед вами, и столь великодушная поддержка, оказанная ей почтенными господами, глубоко её тронула! В благодарность, специально для

вас, она исполнит сольный танец! Пусть это выступление принесёт вам радость!

На самом деле, это было решено заранее. Независимо от того, понравится публике её первый выход или нет, Е Цин должна была исполнить сольный номер. Менялось лишь то, как об этом объявят.

Если зрители были довольны, то это воспринималось как благодарность за их щедрость. Если же танец им не понравился, тогда он становился извинением за разочарование.

После того как младший управляющий покинул сцену, Е Цин вышла из гримёрной.

За эти пять минут отдыха, при помощи Юй-эр и Де-эр, она успела сменить наряд и макияж. Теперь её лицо украшал иной образ, а платье вместо ярко-красного стало сочетанием нежно-зелёных и бледных оттенков — этот цвет куда лучше соответствовал её имени.

Под взглядами публики Е Цин медленно вышла в центр сцены и приняла начальную позу танца. Как только первые звуки гу-чжэна зазвучали в тишине, она начала плавно двигать руками, изгибая гибкий стан и подчёркивая мягкость женственного силуэта.

Этот сольный танец был сложным: прыжки, высокие подъёмы ног, шпагаты... Можно сказать, что в нём она полностью продемонстрировала все семь техник мягкого искусства, которые постигала столько времени. Всё для того, чтобы произвести на гостей неизгладимое впечатление.

Ради этого танца она тренировалась несколько дней без отдыха: днём в зале, ночью в своей комнате — лишь бы не ошибиться в решающий момент.

К счастью, её природная ловкость и быстрая обучаемость позволили в кратчайшие сроки довести выступление до совершенства. Когда она вышла на сцену, в зале ещё раздавались приглушённые разговоры. Однако с каждым новым сложным движением, с каждым плавным переходом из одной позы в другую шум постепенно стихал.

А затем в зале воцарилась полная тишина.

Сама Е Цин не заметила, как полностью погрузилась в танец.

В какой-то момент, уже во время тренировок, она вдруг осознала, что танец стал приносить ей удовольствие. Теперь это было не принуждение, а её собственный выбор.

Этот танец потребовал от неё немало сил. Когда музыка оборвалась, она осталась стоять в центре сцены, тяжело дыша, грудь её поднималась и опускалась в такт сбившемуся дыханию. Несколько секунд в зале стояла тишина.

А потом кто-то громко выкрикнул:

– Bravo!

В ту же секунду раздался гром аплодисментов, восторженные крики прокатились по залу, один за другим.

В гримёрной, откуда за происходящим тайком наблюдали танцовщицы, тоже раздались радостные хлопки в ладоши. Они искренне радовались успеху Е Цин.

И только теперь управляющий Чжан наконец улыбнулся. Он удовлетворённо кивнул — похоже, настало время претворить в жизнь его давний замысел.

Но как водится, если кто-то ликует, значит, найдётся и тот, кто будет недоволен...

Этим человеком, разумеется, была мама Лю. Хотя именно она обучала Е Цин, за последние месяцы накопившаяся обида и злость не давали ей покоя. Теперь, глядя на то, с каким успехом выступает девушка, её лицо мрачнело всё больше. Она ещё немного постояла, а затем развернулась и ушла.

Е Цин и сама не ожидала, что публика примет её столь тепло. От волнения её лицо покраснелось, а сердце билось быстрее. Она снова и снова кланялась зрителям, выражая благодарность, но в своём возбуждении совсем позабыла, что по правилам этикета древнего мира должна была делать это в виде женского реверанса.

Впрочем, в этот момент никто не обратил на это внимания.

Вдруг, откуда-то из зала, кто-то бросил на сцену небольшую серебряную монету. Она с глухим стуком ударилась о деревянный пол, покатилась, подпрыгнула, зазвенела. Это стало своеобразным сигналом: словно летний дождь, на сцену посыпались медные монеты и серебряные слитки. По всему залу раздавались звонкие удары о деревянный настил, складываясь в некую ритмичную мелодию, которая, казалось, звучала даже приятнее, чем музыка гу-чжэна.

– Эта девушка, Цин-эр, — её движения мягкие, а танец грациозен! Где только управляющий Чжан откопал такой драгоценный талант?

На втором этаже, в одной из закрытых лож, молодой человек в роскошных одеждах, лениво обмахиваясь бумажным веером, с улыбкой бросил вниз несколько серебряных слитков, а затем повернулся к своему спутнику. Тот, сидя у окна, с интересом наблюдал за сценой.

– Говорят, несколько месяцев назад эта самая Цин-эр пыталась здесь поужинать бесплатно, а когда её попытались остановить, устроила настоящий погром, разнесла несколько столов. Но

управляющий Чжан сумел её одолеть и оставил отрабатывать долг, – с усмешкой поведал его товарищ.

– О? И такое случилось? – Молодой человек с веером удивлённо приподнял брови. – Получается, она всего несколько месяцев здесь?

– Точнее говоря, всего-то три с небольшим месяца! – с улыбкой ответил молодой человек. – Завсегдатаи Красного Нефрита давно знают эту историю!

– Всего три месяца?! И за такой срок сумеешь овладеть танцем до такого уровня...! – Мужчина с веером удивлённо вскинул брови. – Эта девушка, Цин-эр, поистине одарена!

– Я тоже так считаю! – усмехнулся его собеседник.

– Похоже, Красный Нефрит нашёл настоящее сокровище! Всего одним этим танцем Цин-эр может прославиться на весь Чанъян!

– Тан-сюн, ты не преувеличиваешь? – усомнился другой молодой человек.

– Ван-сюн, ну, поживём — увидим! – Мужчина с веером с улыбкой закрыл его.

(Суффикс -сюн в китайском языке используется для обозначения уважительного обращения к мужчине, обычно старшему по возрасту или положению. Он добавляется к фамилии или имени и выражает уважение, близкое к значению "старший брат" или "уважаемый".)

О том, действительно ли её имя станет известным, Е Цин пока не думала. В этот момент её переполняла неподдельная радость — такой "денежный дождь" ей ещё не доводилось видеть ни в одной из двух жизней! В восторге она уже собиралась наклониться и начать собирать рассыпавшиеся монеты, но тут краем глаза заметила, как Юй-эр отчаянно подаёт ей знаки и многозначительно гримасничает.

Е Цин, наконец, сообразила, быстро подхватила края своей юбки и, не теряя времени, поспешила со сцены.

Вне зависимости от того, были ли это персональные подношения, анонимные дары или такие вот денежные ливни, танцовщицы павильона Красный Нефрит не имели права самостоятельно забирать деньги. Этим занимались специальные работники заведения. После подсчёта и вычета положенной доли остаток передавался девушкам только в конце месяца, вместе с жалованием.

Об этом мама Лю предупреждала особо строго. Если кто-то осмеливался нарушить правило, наказание было жестоким: не тонкий плетёный кнут, а тяжёлые бамбуковые палки. Двадцать ударов — и на ближайшие дни можно забыть о том, чтобы встать на ноги. Более того,

виновница теряла не только возможность двигаться, но и всё заработанное за месяц. Настоящее наказание и для тела, и для души!

В итоге — ничего, кроме мучений!

Убедившись, что Е Цин, наконец, поняла, в чём дело, и бросилась со сцены, Юй-эр с облегчением вздохнула, приложила ладонь к груди и смахнула воображаемый пот.

На самом деле, ещё на сцене Е Цин допустила ошибку — её поклоны явно не соответствовали правилам этикета. Но, учитывая количество полученных вознаграждений, управляющий Чжан, скорее всего, не станет придираться. Другое дело — мама Лю. Вот она вполне могла бы не упустить этот шанс, чтобы наказать её.

Однако, судя по всему, мамы Лю в зале не было, так что она, вероятно, и не видела этот момент. Теперь главное — чтобы никто не донёс. Если никто не выдаст, то всё обойдётся.

Когда Е Цин вернулась в гримёрную, танцовщицы тут же окружили её с поздравлениями.

Они отлично понимали, что после столь успешного выступления её имя, скорее всего, станет известно во всём Чанъяне. Да, они немного завидовали, но совершенно без злобы. Ведь если Е Цин привлекла столько внимания, это только на пользу Красному Нефриту. Чем популярнее заведение, тем больше клиентов, а значит, и они смогут заработать больше.

Это было отличной новостью, так что никто не испытывал недовольства.

Кроме того, после сегодняшнего выступления все окончательно убедились: у Е Цин действительно выдающийся талант к танцу. Как бы строго ни обучала мама Лю, всего за три месяца добиться таких результатов было бы невозможно, если бы у неё не было врождённых способностей и невероятного упорства.

После выступления Е Цин осталась отдыхать в комнате, а на сцену снова вышли семь других танцовщиц, продолжая развлекать гостей.

Тем временем работники павильона уже успели собрать все рассыпавшиеся по сцене монеты и серебряные слитки, чтобы ничего не мешало танцу.

Ведь обувь танцовщиц — это мягкие тканевые туфельки. Если бы на полу осталась хотя бы одна монета или серебряный кусочек, кто-нибудь мог бы случайно наступить на него, а это — риск травмы. А значит, предосторожность никогда не бывает лишней.

Однако, поскольку денег бросили слишком много, в спешке успели собрать только те, что упали на сцену. Те же, что оказались за её пределами, решили собрать уже после окончания представления.

Оставив сцену другим танцовщицам, Е Цин, измотанная после сложного танца, проводила девушек взглядом, закрыла дверь и с облегчением рухнула на стул, чтобы передохнуть.

На самом деле, хотя изначально было решено, что она исполнит сольный танец, никто не запрещал выбрать более простую постановку. Но, очевидно, у мамы Лю были свои мотивы. Она специально подобрала для Е Цин одну из самых сложных танцевальных композиций, надеясь, что та опозорится.

Вот только мама Лю явно не ожидала, что упрямая Е Цин возьмёт и доведёт эту сложную постановку до совершенства всего за несколько дней. Да ещё и с триумфом выступит на сцене! Теперь неудивительно, что мама Лю, нахмурившись, развернулась и вышла.

В таком случае, пожалуй, стоило бы даже поблагодарить её? Наверняка сейчас у мамы Лю кровь кипит от злости!

Глядя в бронзовое зеркало, Е Цин увидела в отражении лицо, слегка припудренное, с ярко-красными губами, аккуратным изящным носом, тёмными, словно крашеные тушью, бровями, длинными изогнутыми ресницами и большими выразительными глазами.

Это всё ещё был тот самый Чэнь Даху?

<http://bllate.org/book/16041/1431359>